

Мы — силы производства: наша мощь — сила деятельности.

Мы — тепло, от которого трескается лед. Мы — сорняки, прорастающие сквозь трещины в дорожном покрытии. Может ли быть так, что это время рождения, а не просто время смерти и разрушения?

Маркс представляет мощный образ революции как прорыва в новый мир:

Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьёт час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют. (1867/1965: 763; 1867/1990: 929, *цит. по: Маркс К. Капитал. Т. 1 : ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2001, ISBN 966-03-1383-7*)

Это ли происходит на самом деле? Являются ли эти трещины взрывом капиталистической оболочки и появлением нового мира?

Традиционный марксизм представляет данное разрушение внешней оболочки в терминах столкновения производительных сил и производственных отношений. Как говорит Маркс в предисловии работы «К критике политической экономии»:

На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или <...> с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. (1859/1971: 21, *цит. по: Карл Маркс. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – т.13. – с.5-9.*)

Трудность традиционной интерпретации "производительных сил" заключается в том, что она представляет их как внешнюю силу (силу технологического развития), динамика которой не зависит от социальных отношений. Это противоречит двум положениям, которые были центральными в приведенной здесь аргументации (и в аргументации самого Маркса): во-первых, мы, люди, являемся созидательной силой в обществе, и, во-вторых, наша созидательная сила развивается не независимо от социального контекста, а скорее в соотношении "внутри-против-и-за-пределами". Отношение содержания к форме не является ни отношением независимости (автономные производительные силы сталкиваются с производственными отношениями), ни отношением полного сдерживания (производительные силы полностью содержатся в производственных отношениях и определяются ими), но всегда является статичным отношением, отношением сдерживания, антагонизма и продвижения за пределы. Таким образом, деятельность (полезный труд) существует вопреки абстрактному труду и за его

пределами; потребительная стоимость существует вопреки стоимости и за ее пределами, а производительные силы существуют вопреки производственным отношениям и за их пределами.

Другое выражение, которое часто использует Маркс, уводит нас от традиционной интерпретации, предполагающей очевидное отделение производительных сил от творческой силы человека: в "Капитале" он говорит о "производительных силах общественного труда", или "общественных производительных силах труда". Здесь ясно, что мы говорим о силе человеческого творчества, о силе деятельности, о нашей созидательной и деятельной мощи. При капитализме наша способность действовать отделяется от нас и предстает как нечто чуждое, как сила капитала или как сила капиталистической технологии:

С развитием относительной прибавочной стоимости при собственно специфически капиталистическом способе производства, развивающем общественные производительные силы труда, эти производительные силы и общественные связи труда в непосредственном процессе труда кажутся перенесёнными с труда на капитал. Благодаря этому капитал уже становится весьма таинственным существом, так как все общественные производительные силы труда представляются принадлежащими ему, а не труду как таковому, и возникающими из его собственных недр. (1894/1971: 827, *цит. по: Маркс К. Капитал. Т. 3: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2001*)

Критицизм — это восстановление общественных производительных сил для нас, понимание социальных производительных сил как нашей способности действовать. Таким образом, мы являемся производительными силами. Мы — "производительные силы общественного труда". Данные "производительные силы общественного труда" — это наличие у нас возможности действовать при капитализме, нашей способности действовать в труде, против него и за его пределами.

Мы — производительная сила, развивающая нашу творческую мощь при капитале, вопреки нему и за его пределами. Ортодоксальная точка зрения рассматривает эту творческую силу как гармонично развивающуюся внутри капитала до тех пор, пока не будет достигнута точка антагонизма, ведущая к разрыву, открывающему мир творчества за пределами капиталистических социальных отношений: "внутри", "против" и "за пределами" четко разделены как концептуально, так и во времени. Очевидно, что этого не может быть: разочарование является неотъемлемой частью капитализма с самого начала. Капитал с самого начала говорит людям: "Ваше творчество имеет силу только в рамках производства ценности: если вы не производите ценность, ваше творчество ничего не значит". И с самого начала люди подчинялись-и-восставали. Производительная (и, следовательно, разрушительная) сила человеческой деятельности чрезвычайно возросла в этом постоянном колебании между повиновением и бунтом, в этом постоянном творческом стремлении выйти за пределы системы и расширении пределов, позволяющих частично (но не полностью) ограничить творческую активность в рамках капиталистического производства. По мере того как растет продуктивная и разрушительная сила человеческой деятельности, растет и чувство дискомфорта, острая боль разочарования, ощущение того, что прогрессивное развитие нашей творческой силы ведет нас в неверном направлении. Конечно, мы не хотим отказываться от нашей растущей

созидательной мощи, от нашей растущей деятельной мощи, потому что данная мощь — это также способность делать что-то совсем иначе: другими словами, технологические возможности, которые мы развили с капиталом, против него и за его пределами, есть еще и реальная возможность заниматься иной деятельностью. Это не просто пустая возможность^[1], а реальный толчок, выражающийся в стремлении многих и многих людей использовать свои навыки, чтобы изменить мир, развивать альтернативные технологии, по-другому использовать свои компьютерные навыки и так далее. Приводя в пример пермакультуру, Карлссон (2008: 56-58) утверждает, что "сфера науки и техники является центральным местом современной битвы между коллективными, человеческими ценностями и ценностями капитала... Среди диссидентствующих ученых и технологов, способность мыслить перестраивается в направлениях, выходящих за узкие рамки капитала."

Мы являемся производительными силами, и развитие нашей производительной мощи, нашей созидательной мощи, тесно связано с ее социализацией. Чем больше мы объединяемся с другими, тем выше наша творческая сила. Проблема, как мы уже видели, заключается в том, что при капитализме социализация существует как абстракция: именно благодаря абстракции устанавливается социальное объединение различных видов деятельности. Поэтому неудивительно, что бунт против абстрактного труда принял форму бунта против социализации: заниматься своими делами, самовыражаться, создавать небольшие проекты. Традиционная концепция социализма здесь, по-видимому, не имеет особого значения: она создает образ посткапиталистического общества, характеризующегося большей обобщественностью производства и все более крупными производственными единицами, но сводит вопрос о самоопределении к совершенно абстрактной идее Плана, а не к реальному процессу деятельности.

Развитие нашей созидательной мощи не должно пониматься как отказ от социализации. Задача, скорее, состоит в том, чтобы, преодолев все трудности, построить иную социализацию, более свободную, чем социальный синтез капитализма, и основанную на полном признании особенностей нашей индивидуальной и коллективной деятельности и ее направленности на самоопределение. Уже сейчас существует множество инициатив в данном направлении. Настойчивость так называемого антиглобалистского движения заключается в том, что оно не выступает против глобализации, а выступает за глобализацию иного рода и, следовательно, является движением за альтернативную глобализацию, как раз и указывает на то, что борьба ведется не за романтическое возвращение к изолированным единицам, а за иной тип социальной взаимосвязи. Горизонтальность, достоинство, альтернативная экономика, общее достояние — все эти термины относятся к исследованиям в области построения иной формы социализации.

Данный прорыв — это прорыв нашей социальной способности действовать, нашей социальной состоятельности, но происходящее не соответствует традиционным социалистическим представлениям о прорыве производительных сил. Он не принимает форму навязывания новой тотальности: скорее, это многократный слом старой системы. Атаки на существующую организацию человеческой деятельности и стремление к иной деятельности исходят со всех сторон: от миллионов людей, которые появились на страницах этой книги, и от многих, многих

других. В центре внимания находится деятельность, а не новый дискурс, не новый образ мышления, не новая форма организации, не новый -изм: деятельность. Деятельность, потому что именно наша деятельность здесь и сейчас приводит к капитализму и разрушению, или же к созданию мира, пригодного для жизни человеческих и нечеловеческих существ. Революция — это просто принятие на себя ответственности как создателей социальной реальности, социальное принятие на себя нашей созидательной мощи.

1. См. тщательное обсуждение производительных сил Постоном в гл. 9 его книги, ослабленное его неспособностью понять взаимосвязь между производственными отношениями и производительными силами (абстрактным и конкретным трудом) как живой антагонизм, статичное отношение "внутри-против-вне", так что что "возможная трансформация производства и труда" остается именно такой: возможной, но не обоснованной в нынешних условиях борьбы: см., в частности, Постон (1996: 364).